

18+

Николай Бредихин

Бумажные слёзы

Любовный детектив

Николай Бредихин

**Бумажные слёзы.
Любовный детектив**

«Издательские решения»

Бредихин Н.

Бумажные слёзы. Любовный детектив / Н. Бредихин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906567-4

Сейчас трудно представить то время, когда в России не было собственных «мыльных опер» и крутились с утра до вечера зарубежные поделки. А среди книжонок в бумажной обложке не было отечественных любовных романов. О том времени как раз и повествует книга писателя НИКОЛАЯ БРЕДИХИНА «БУМАЖНЫЕ СЛЁЗЫ». Девушке в инвалидной коляске нанимают для развлечения «книгтера» — литературного «призрака». Никто не воспринимает всерьёз их занятий, но и «призрак» попался не совсем обычный, да и девушка непростая.

ISBN 978-5-44-906567-4

© Бредихин Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Светлана	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Часть вторая. Андрей	19
Глава 1	19
Глава 2	22
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Бумажные слёзы Любовный детектив

Николай Бредихин

Не всегда благотворны бывают слезы. Отрадны и целебны они, когда, долго накопив в груди, потекут они наконец – сперва с усилием, потом все легче, все слаще; немое томление тоски разрешается ими... Но есть слезы холодные, скупо льющиеся слезы: их по капле выдавливает из сердца тяжелым и недвижным бременем налегшее на него горе; они безотрадны и не приносят облегчения.

Нужда плачет такими слезами, и тот еще не был несчастлив, кто не проливал их.

Иван Тургенев

Автор и дизайнер обложки Кирилл Бредихин

© Николай Бредихин, 2020

ISBN 978-5-4490-6567-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Светлана

Глава 1

– Привет, ну и как прошла встреча? Надеюсь, на высшем уровне?

Андрей кисло поморщился, придвинул поближе ко рту трубку радиотелефона.

– Да плохо прошла. Хуже некуда!

Геннадий насторожился.

– Есть трудности?

– Полно трудностей!

– А если конкретнее?

– Ну ситуация там такая: мамаша – фря, вся из себя, дочка в инвалидной коляске, та ещё штучка; вознамерились, ни много ни мало, сляпать детективный роман. Лавры Александры Марининой, наверно, не дают покоя. Ты ведь знаешь, как с непрофессионалами работать: на них не угодишь, только весь вымотаешься. И чего ты меня им на заклятие кинул? То ли дело депутаты, я уже не одну собаку съел на их «жизнеописаниях». Их что там, поотстреливали всех?

Гринин изобразил смех Фантомаса из одноимённого французского фильма. Хотя до Жана Маре, или кто там его дублировал, ему было далеко:

– Ну вот, Андрюша, а говоришь – «не одну собаку съел». Да будет тебе известно – тех, кто занимается политикой, отстреливают в самую последнюю очередь. Это всегда невыгодно, потому что чревато какими-нибудь изменениями, которые трудно предугадать. Только нам с тобой их проблемы по барабану. Будут тебе депутаты, будут, мой золотой, но сейчас выборы на всех уровнях прошли. «Яма», как говорят на бирже. У нас с тобой «яма». А вот с детективами «ям» не бывает, и желудок, кстати, их тоже не признаёт. Нет, ты, конечно, можешь отказаться...

– Но в конце концов все начнут отказываться от меня, – подхватил на лету Андрей столь недвусмысленно высказанный ему приговор. – Друг, называется! Руки выворачиваешь? Акула капитализма!

– Дружба дружбой, а табачок врозь, знаешь такую поговорку? Ладно, бог с тобой, не хочешь – как хочешь. Не горит, в принципе-то. Если есть деньги, вполне можешь позволить себе месяц-другой передохнуть.

– Да в том-то как раз и дело, что денег нет, – уныло отозвался Андрей.

– «...Сказал он по радиотелефону». Эх, мог бы я тебе свинью подложить: рассказал бы твоей Галке, как ты выламываешься... Ну ладно, шутки в сторону. Ты так и не обрисовал толком, что там за подводные камни, а я ведь должен досконально знать положение, когда буду другому кому сватать эту работёнку. Сам понимаешь, в отличие от некоторых я не могу ответить отказом.

Андрей скривился, засопел в трубку.

– Это что, обязательно по телефону? Может, я завтра подъеду, тогда и поговорим?

– Нет, сейчас, дорогой, – Геннадий напирал, – время не ждёт. Помнишь такой персонаж у Джека Лондона? Его так и звали: Время-не-ждёт. Конкуренция в нашем деле, как и везде, весьма существенная. Итак, я весь внимание, сэр!

Андрей заметался по квартире, не зная, где ему примоститься. Как назло вся семья была в сборе, даже сын приехал на выходные из института. Телевизор, компьютер, стиральная машина – всё стреляло, мерцало, гудело. Просто сумасшедший дом! В ванной – и то не уеди-

нишься. На кухне жена, подготовка к ужину в самом разгаре, на лоджии соседи могут услышать. Он разозлился.

– Слушай, Геныч, неужели тебе денег не жалко на междугородный разговор? Разоришься ведь!

Тот довольно ухмыльнулся.

– Не жалко! Во-первых, сейчас по времени как раз льготный тариф, а во-вторых, не я же плачу...

– Ты хочешь сказать, что «платит фирма»? Наша «фирма»? – раздражённо перебил его Андрей.

– Нет, не пугайся! – К Геннадию вновь вернулось шутовское настроение. – А то, я смотрю, как бы тебя инфаркт не хватил. Платит клиент. Есть ещё вопросы? Если нет, то давай всё-таки по существу.

– Ну, типичные «новые русские» – хамы, каких свет не видывал. Среди политиков дражных – и то такого чванства не встречал. Знаешь, какой перл, едва увидев меня, изрекла эта пигалица? «Я думала почему-то, что Вы гораздо моложе!»

– Ну и что? Нам с тобой привыкать? Вспомни, сколько мы в своё время по разным фирмам да конторам набегались: первый взгляд на лицо, затем на дату рождения в паспорте, ну а дальше – будь ты хоть гений, хоть золотой или бриллиантовый, никоим образом такие подробности не интересуют. Ты же знаешь, какие они, молодые, борзые сейчас. Даже в нашем деле дышат в затылок, тем только и спасаемся, что зрелые мозги есть зрелые мозги. Ты, надеюсь, ей об этом сказал?

Андрей вздохнул.

– Сказать-то сказал, но она мне сразу про компьютерное мышление, понимание современных проблем. Ну а тут ещё её мамаша небрежно так мне бросила: «У Вас не найдётся сдачи со ста долларов?». А я второй месяц за квартиру заплатить не могу.

– Нашёл проблему! Другие по полгода не платят.

– Другие – вроде тебя, что ли?

– Может, и вроде меня. Свяжешься с вами, голью перекатной, на десятипроцентный гононар от вас не очень-то разживёшься!

– Ага! – попытался перехватить инициативу Андрей, – а кому ещё, кроме нас, ты нужен? Может, Марининой той же? Молчал бы уж, кровопийца!

Геннадий переключил разговор:

– Ну, так в том вся и проблема? Обидели бедного Андрюшеньку, он губки надул и в угол забился?

Андрей чуть было не сорвался, но удержался и нехотя продолжил уже начавшую изрядно надоедать ему перепалку:

– Послушай, Геныч, что ты на меня набросился? Я ведь никому не надерзил, хотя мог бы. Ни от чего не отказывался. Вся инициатива с их стороны – просто я сам их не устраиваю. А ты всё представил так, будто я принцесса на горошине: ахаю да выламываюсь. Твои же слова «В затылок дышат», надо реально смотреть на вещи, нам не тридцать лет.

Геннадий откашлялся, пробормотал немного смущённо:

– Ну-ну, старичок, я смотрю, ты совсем раскис. А жизнь теперешняя слабаков не любит: давит, растаптывает. И кстати, ты не прав. Может, у тебя просто мнительность развивается? Люди задали тебе несколько вопросов, по существу между прочим, а ты на дыбы сразу. Ладно, как бы то ни было, о тебе там остались хорошего мнения и даже согласны заплатить двойную – улавливаешь? – ставку, если ты подпишешься работать ударно, то есть с утра до вечера, с одним выходным. Светуёчек этот, или, как ты её называешь, пигалица, хотела вообще без выходных, но я уж выговорил, иначе ведь Галка, тигрица та ещё, меня на части разорвёт.

Андрей ошеломлённо выдержал паузу, не зная, что ему ответить.

– Да, я что-то припоминаю, – сказал он наконец, – мамаша предупреждала, что после депрессии у её Светочки какая-то повышенная жажда деятельности: если не направить этот поток в нужное русло, может и с катушек слететь. Между прочим, у Светуёчка твоего, в смысле литературных дарований стрелка на абсолютном нуле.

Гринин взорвался:

– Послушай, Андрей, когда ты хоть поумнеешь и сор из башки выметешь? Какое нам с тобой дело до способностей кого бы то ни было? Нам платят деньги, чего тебе ещё надо? Не очень большие, но вполне достаточные, чтобы и самому коньки прежде времени не отбросить, и семью худо-бедно содержать. Вот ты ещё бодягу разведи, что деньги эти грязные, уворованные у несчастенького народа, а ты такой принципиальный, чистенький! Короче, ты соглашаешься или нет?

– Короче, я и не отказывался! Это тебе просто захотелось потрепаться за чужой счет!

Геннадий довольно хмыкнул:

– Давно бы так, негритос несчастный!

– От негритоса слышу!

– А то уж я тебе новый бизнес хотел предложить: посадим тебя где-нибудь в переходе в инвалидной коляске с табличкой на шее: «Хачу кушать». Или будем с тобой ходить по вагонам метро с сонатой-Апассионатой для двух котов Базилио: «Мы сами люди не местные, мы из Подмосковья...». Ну а в случае чего предьявим писательские корочки, скажем, что собирали материал для нового романа. А, как тебе? Непотопляемый вариант! Но это про запас, в самый что ни на есть загашник, дружок! А пока мы попашем, напишем ещё, не посрашим дядю Тома и коллегу нашу – Гарриет Бичер-Стоу! – Он помолчал и, не дождавшись ответа, самозабвенно хрипло зашептал в трубку: – Слышишь, старик! Тут недавно фильм один, старенький-старенький, по телевизору крутили – «Серенада Солнечной долины». Бальзам на наши души, я даже на видео записал. Помнишь, как там? «Солнце встаёт, а негритосы пляшут «чучу»!»!

– Ну да, – вздохнул Андрей, – от меня мокрого места не оставил, а сам придурок тот ещё! Другой вариант можно – «гонят чачу», только тогда слово «негритосы» нужно поставить в кавычки. – А если так, предположим: «Солнце встаёт, а „негритос“, – тоже в кавычках, литературный, как мы с тобой, – пришиб героя!». Ближе, роднее, горячее, а, старина? Чем ответишь?

– И кровью написал в подъезде на стене: «У кого была собака, тот сам дурак!».

– Ну-ну, это уж какой-то не просто чёрный, а крошечный юмор получается, да ещё стих белый, в тапочках. Ладно, завтра, дружок, завтра с самого утра они тебя ждут. Долларами для размена можешь не запасаться, аванс я уже получил. Отбой! Иначе я действительно наших благодетелей работодателей без последних штанов оставлю. То есть так мы вообще без читателей можем остаться. Всё, отбой, в случае чего факсируй, пейджируй, телефонируй. О'кэй?

– Говори по-русски, злодей!

– О, уже в рифму, – оживился Гринин, – поздравляю, начинаешь очухиваться: «приходить в себя после удара под дых, который нанесла тебе жизнь».

– Пл-львут п-пароходы – п-привет б-балаболам!

– Ого! Л-летят с-самолёты – с-салют б-бабам г-голым!.. Эх, опять выигрышное очко тебе. Но в следующий раз... я не с теннисной ракеткой, а с бейсбольной битой приду. Как тебе? Слабо? Ладно, пока, иначе мы с тобой так до утра не остановимся.

Глава 2

– У меня только несколько слов к Вам, Андрюша. Можно я Вас так буду называть? – Белла Иннокентьевна мимоходом оглядела себя в зеркале и, взяв Андрея за локоть, подвела его к входной двери. – Знаете, мне пора уже уходить, но я всё-таки захотела повидаться с Вами. Света, ты не оставишь нас на секунду?

Светлана, появившаяся в дверях своей комнаты, с недовольным видом удалилась.

Белла Иннокентьевна понизила голос:

– Это квартира дочери, я не могу здесь постоянно находиться и, так сказать, контролировать процесс. У Светочки, как Вы сами уже вчера убедились, совершенно несносный характер, но, я надеюсь, Вам это обстоятельство не помешает в работе? Вы ведь профи, один из лучших в своём деле, не правда ли?

Андрей кисло поморщился.

– Ну это сказки, конечно. Можно было бы найти кого-нибудь и поопытнее, похватче, да ещё со связями в издательствах, в прессе, на телевидении.

– О! – Белла Иннокентьевна протестующе замахала ладошкой и придвинулась ближе к Андрею, обдав его запахом дорогих духов, названия которых он, естественно, не знал, но не сомневался, что они фирменные, французские. – Думаю, в этом нет необходимости. Во всяком случае, Вас мне вполне достаточно. Я вообще, – тут она взяла ещё на полтона ниже, включив какие-то совсем уж бархатные, кошачьи оттенки в голосе, – считаю, что у Светочки это блажь. Как говорится, чем бы дитя ни тешилось... Так что Вы особенно на неё не налегайте, хотя и расшифровывать не нужно, что Вы не воспринимаете всерьёз ваши занятия. Однако, – тут она внезапно прогнала улыбку с лица, – я хоть и женщина, но человек деловой и скидок никаких никогда никому не делаю. Пусть наш договор на словах, а не на бумаге, это не имеет значения: если Вы вдруг в одностороннем порядке захотите его расторгнуть, Вам придётся заплатить неустойку. Поэтому мне хотелось бы ещё раз уточнить Ваше решение. С Геннадием Васильевичем я всё обговорила, но мне желательно было бы услышать ответ непосредственно из Ваших уст. Как, это возможно? Или Вам нужно предварительно ему позвонить? Только недолго, у меня пять минут в запасе, не больше.

«Ну, Геныч, ну, обалдуй! – подумал Андрей в запальчивости, – никак не может без этих своих каверз! Гадай теперь, что там за условия! Баба, по всему чувствуется, зверь и в самом деле при случае наизнанку может вывернуть».

– Да нет, всё обговорено. Я всем доволен, – проямлил он, отчаянно ругая себя за мягкотелость. Надо было всё-таки позвонить Геннадию, договор есть договор, нужно быть предельно внимательным при его заключении, каждая деталь должна быть продумана: сколько раз Горячев убеждался в этом!

Белла Иннокентьевна повела плечами, снисходительно улыбнулась и протянула Андрею руку.

– Что ж, я рада, что мы так легко решили все вопросы!

Андрей замешкался. Он пытался сообразить, как в этой среде принято: целовать или пожимать руку женщине? Затем сориентировался: если ладонь протянута тыльной стороной, значит...

Он осторожно коснулся губами тёплой нежной кожи.

– Ну как, «Андрюша»? Как Вам моя мама? – ехидно спросила Светлана, передразнивая Беллу Иннокентьевну (особенно удачно у неё получалось поводить, как та, плечами).

– Вы что же, подслушивали за дверью? – уточнил Андрей. Он пристально вглядывался в сидевшую перед ним девушку лет двадцати-двадцати двух. Никаких перемен в ней за истек-

шие сутки не произошло: всё та же старая вязаная кофта, в которую она беспрестанно куталась, как от холода, на коленях – шотландский шерстяной плед в зелёную клетку, полное отсутствие какой-либо косметики на лице, хотя уж по меньшей мере носик не мешало бы припудрить. Ну а о причёске и вообще не стоило говорить.

– Подслушивала? Вот ещё! – фыркнула Светлана, несколько не смутившись испытующего взгляда Андрея. – Зачем мне это? Я что, не знаю свою мать? Я Вам могу и без того слово в слово пересказать содержание Вашей беседы. А насчёт «Андрюши» – так она всех, кто попадает под действие её чар, буквально с первых же минут знакомства не называет по имени-отчеству. Исключительно «Володя», «Петенька», «Кирюша».

– Вы считаете, что я попал под действие её чар? – недоумённо спросил Андрей.

– Несомненно. Вид, во всяком случае, достаточно красноречивый. Если говорить точнее, просто ошалелый. Однако не пора ли нам, что называется, приступить к существу вопроса? Итак, с чего мы начнём? Кстати, небольшое лирическое отступление. Как-то вы там интересно себя называете – «неграми» или «эфиопами», что ли? Это правда? – спросила она, невинно хлопая глазками, однако едва удерживаясь от того, чтобы не расхохотаться. – Но при чём тут Африка?

– Ни при чём, – согласился Андрей, – и Гарлем, между прочим, тоже. Просто Россия – родина слонов, как Вам известно. А где слоны, там и негры. Логично?

– Да, пожалуй, – ошарашенно подтвердила Светлана и хотела что-то ещё добавить, но Андрей опередил её:

– Можно мне позвонить?

– О, ради бога!

– Слушай, Снусмумрик! – с места в карьер разгорячённо начал Андрей, – что ещё за неустойка, которую я «в случае чего» должен заплатить? Почему ты вчера ни слова не сказал мне об этом? Пойми, крокодил мультяшный, шутки шутками, а так можно до чего хочешь доиграться. Подо что ты меня подвёл? Меня уже тут эфиопом назвали. Можно считать, что я совсем обуглился.

Геннадий ничуть не смутился.

– А, это ты! Я уже за дверью был, чёрт меня дернул из-за твоего звонка вернуться. Эфиопом его назвали, видишь ли! А он обиделся! Ну и что? Если бы тебе хоть чуточку их, эфиопской, крови Бог послал, ты давно бы уже если не Пушкиным, то Пушкинзоном точно стал, а так нам с тобой до Александра Сергеевича ещё расти и расти.

– Это ты о прадеде его Ганнибале, что ли?

– Нет, это я просто так, к слову. Об эфиопах. А вообще... Ладно, не дрейфь, негус абиссинский. Я смотрю, ты уже со своими детективными залётами совсем сдвинулся: в каждой иномарке за стеклом чудится гранатомёт. Уверяю, ты ошибаешься: и среди «новых русских» тоже есть воспитанные, интеллигентные люди – с другими бы я тебя не познакомил. В случае чего и вопрос с тобой решат предельно деликатно: ты даже ничего не почувствуешь.

– Ну, ты... – расвирепев, не выдержал Андрей. – К слову! Об эфиопах! Вы вот два сапога пара, почему бы вам хоть на время не объединиться? Раз вы такие остроумцы! Ты профессионал ничуть не хуже меня, зачем я вам? Вы тут без меня как мороженым объедались бы!

Геннадий присвистнул.

– Ну, старик, ты загнул. Куда ж мне с тобой тягаться? Ты у нас снайпер, ас. Вот только я никак не пойму, чего ты взъерился? «В случае чего» ты просто возвращаешь те деньги, которые получал по ходу работы. Всё, что ты накопил, естественно, переходит за здорово живёшь в собственность твоих очаровательных... Тьфу, как там её звали в этом долбаном Древнем Риме – Мессалина, что ли? Можешь подождать, я в энциклопедический словарь загляну?

– Не надо, – взревел Андрей, – не надо словарей! Там она одна была, а тут сразу две. Улавливаешь разницу?

– Андрей! – почему-то шёпотом проговорил в трубку Гринин. – Андрей, ты слышишь меня?

– Слышу, – ошарашенно ответил ему тот инстинктивно на полтона ниже, – а почему ты шёпотом-то? Нас что, подслушивают? Кто конкретно? ЦРУ? Моссад?

– Пора работать, Андрюша! Пора работать! – совсем уж прошелестел Геннадий. Затем вдруг рывкнул что было силы: – Помнишь, как тот хрыч густобровый на каком-то то ли съезде, то ли пленуме сказал? «За работу, товарищи!»

Андрей отдёргнул трубку от уха и с кислым видом доложил Светлане:

– Он сказал, что пора работать! Как Вы насчёт этого?

Та кивнула и развернула коляску.

– Действительно пора. Поехали?

– Куда?

– «Он сказал: „Поехали!“» Помните, откуда это? Из песни о Юрии Гагарине! Ну и нам не мешало бы немного размяться.

Коляска была какой-то новейшей конструкции, передвигалась по квартире почти бесшумно, но на редкость стремительно, так что Андрею приходилось чуть ли не вприпрыжку бежать за ней, чтобы поспевать. Дальнейший разговор у них так и происходил – в движении.

– Вас предупредили о том психологическом состоянии, в котором я сейчас нахожусь? – спросила Светлана, даже не удосуживаясь хотя бы время от времени оглядываться на Андрея.

– Говорили... Что Вы вроде как после депрессии... – ответил тот, старательно изображая из себя разрядника по спортивной ходьбе. – Но, может, Вы поподробнее расскажете?

– Пока в этом нет необходимости. Я о другом беспокоюсь.

Андрей усмехнулся.

– Выдержу ли я темп?

– Не совсем. Главное – в мышлении. Ваше поколение безнадежно устарело, как я Вам уже пыталась объяснить в прошлый раз в более мягкой форме. Вы не в состоянии реально оценивать существующую действительность. Вас можно понять, пожалеть, но сути дела это не меняет. Вы воспитаны в другом духе, в другом времени, а на сто восемьдесят градусов мозги сразу не повернёшь. Ну, пару-тройку программ в компьютере Вы ещё сможете освоить, но Интернет – уже терра инкогнита, виртуальность – совсем неодолимый барьер. Боюсь, что нам трудно будет с Вами общаться, мы мыслим совершенно разными понятиями, символами, категориями. Да что я Вам объясняю, не станете же Вы отрицать, что безнадежно отстали?

Андрей, к стыду своему, вынужден был признать, что ему трудно разговаривать вот так, на ходу: он уже начал задыхаться.

– И всё-таки не кого-нибудь, а меня Вы наняли в ассистенты, – проговорил он, стараясь казаться как можно спокойнее. – Значит, рано Вам зазнаваться. Вы хотите писать для людей, а большинству из них пока что Интернет ваш совершенно до лампочки.

– Пока, а что будет, скажем, лет через пять?

– Ну, коли так, может, через пять лет тогда и встретимся?

Светлана зло фыркнула, не сбавив, а наоборот, ещё увеличив темп.

– Полагаю, что мы и три месяца общения друг с другом вряд ли вынесем. Я, во всяком случае, с ужасом думаю о том, что сегодня только второй день нашего знакомства!

– Взаимно! – кивнул Андрей.

– Что, насчёт трёх месяцев для Вас тоже новость?

– Нет, – покачал головой Андрей. Он не выдержал, остановился, обессиленный. – Как раз обычный для меня срок. Итог – «кирпич» в триста-четыре страницы. Устроит Вас?

Светлана пожала плечами.

– Ну, наконец-то я слышу здравый голос. Устроит вполне. Будем считать, что утро прошло в разминке. Садитесь, отдохайте! Кстати, кто такой Снусмумрик?

– Персонаж из книжек Туве Янссон о Муми-тролле, – мученически улыбнулся Андрей. – Самые лучшие из них, на мой взгляд, – «Шляпа волшебника» и «Муми-тролль и комета». Очень рекомендую. Можно читать и перечитывать в любом возрасте. Есть ещё вопросы?

– Нет, – покачала головой Светлана. – Но я просто в восторге – тащусь, торчу, угораю, всё одновременно, – от того, как вы друг с другом разговариваете. Кстати, что он там говорил про «одну», а Вы ему ответили, что тут сразу «две»? Или это секрет?

– Секрет.

Андрей не замедлил плюхнуться в кресло. Он не понимал: не так уж он был слаб физически, просто сказался психологический эффект. Вроде бы и ничего особенного, но было как-то унизительно носиться вприпрыжку за обезумевшей коляской, летавшей по квартире не хуже пресловутого шестисотого «мерседеса».

– И всё-таки интересно, для чего вы так друг друга мутузите, – не унималась Светлана. – В вашем возрасте это выглядит по меньшей мере несолидно.

Андрей смутился, откашлялся.

– Геннадий, друг мой, говорит, что нужно тренировать кожу. Чтобы как следует задубела. Вроде как по нынешней жизни нельзя иначе, не выживешь.

– Ну и как, помогает? – с интересом спросила Светлана.

– Вообще-то да, – нехотя согласился Андрей. – Немного.

– Послушайте, а, может, и я оттого такая... зловердная, что слишком чувствительная?

Андрей ещё раз внимательно посмотрел на худенькое личико с припухшими веками и тонкими поджатыми губами, короткие прямые волосы, но не поддался жалости.

– Не думаю, – произнёс он скептически, – скорее в данном случае дело в характере.

Светлана сверкнула глазами и, помолчав, съязвила:

– Точнее, в его безграничной гадючности?

Андрей тяжело вздохнул.

– Не совсем так, но будем считать, что роль невинной овечки Вам плохо удаётся.

Светлана, несколько огорошенная подобной прямолинейностью, тем не менее вынуждена была согласиться:

– Что ж, тут есть доля истины: без розыгрышей, шуточек, подначек общаться я просто не могу. Ну а ещё я прикинула, пусть Вам это покажется циничным, что вот так, постоянно подстёгивая человека, иногда даже обижая, из него можно выжать гораздо больше. Во всяком случае, в литературе, насколько я поняла уже, самолюбие – стимул чуть ли не основной. Конечно, это не по Карнеги, но ведь и у нас не Америка. Итак, как я догадываюсь, перемирие закончилось?

Андрей развёл руками.

– Взаимость, Светик, взаимность. Как в песне поётся: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд...». Вы почему-то привыкли ни от кого не получать сдачи, а мы вот такие: чаевых не берём-с!

Светлана откинулась в кресле и, в свою очередь, с минуту рассматривала Андрея с неподдельным интересом. Затем констатировала:

– А Вы гордый. Это хорошо. Я таких людей уважаю.

Андрей кивнул.

– Спасибо. Можно и дальше пойти. Я считаю, нам стоило бы перейти на «ты». Дело, которым мы собираемся заняться, не терпит отстранённости.

Светлана ещё с минуту смотрела на Андрея озадаченно. Видимо, ей и в голову не мог прийти такой поворот событий. Затем улыбнулась самой сладкой, буквально медоточивой,

улыбкой, на которую только была способна, тут же, впрочем, спохватившись и покачав головой с неподдельной жалостью:

– А ты подумал? Ты хорошо подумал?.. Я же тебя в порошок сотру!

Андрей усмехнулся, заглянул ей в глаза и с самым невинным видом спросил:

– Слушай, как ты полагаешь, Змей Горыныч «он» был или «оно»?

– А по-твоему... «она»? – Светлана на мгновение задумалась, затем повеселела: – Да, интересная гипотеза, но что-то в ней не сходится. Постой-ка! Девушки... А как же девушки?

– Какие девушки? – спросил Андрей, моментально догадавшись, в чём дело, но старательно разыгрывая непонимание.

– Такие, обыкновенные! Я очень сообразительная, меня не проведёшь! – Светлана с ликующей улыбкой ехидно погрозила Горячеву пальчиком. – Молоденькие, самые красивые, белые и румяные, которых «по всему Киеву собирали», чтобы ими «дань Змею заплатить». У «неё» что, по-твоему, были извращённые наклонности?

– Ну, это просто! Совсем просто! Неужели ты не понимаешь? Это же общеизвестно! – Андрей, прижатый к стенке, лихорадочно искал выход, но не нашёл ничего лучшего, как только, вскинув над головой руки со скрюченными пальцами и соорудив зверскую рожу, прорычать страшным голосом: – Просто у молоденьких девушек мясо понежней!

– Да, убедительно. – От неожиданности Светлана чуть не потеряла дар речи. – Какая экспрессия! И звучит почти как комплимент. Что ж, поздравляю тебя с победой, считай, что одну голову ты уже отрубил. Но она ведь вырастет вновь! Ты, насколько я поняла, вроде как Никита Кожемяка? Ну, так не пора ли нам заняться своим основным делом – дубить шкуры? – Она спохватилась: – Да, кстати, как насчёт кофе? Приготовить на твою долю?

– Вообще-то я предпочитаю чай, – пожал плечами Андрей.

Глава 3

Оставшись на мгновение один, он вздохнул с облегчением. Словесная перепалка уже измотала его, нарастало утомление. Андрей оглядел комнату, обставленную итальянской мебелью с кожаной обивкой. Видео, аудио, компьютер, принтер, ксерокс, сканер – всё было забито техникой. Его вдруг охватило чувство какой-то нереальности происходящего. Зачем он здесь оказался? Так, вроде пуделя, развлекать эту пацанку? Романы – какие могут быть романы? Конечно, у богатых свои причуды, но он-то тут при чём? Совсем дошёл до ручки?

– Кстати, на чём мы в прошлый раз остановились? – Светлана постучала ложечкой по блюдцу, приводя Андрея в чувство.

Он недоумённо посмотрел на поднос, который уже стоял на столике. Наконец до него дошёл и смысл вопроса.

– На том, что у тебя нет никаких способностей.

– Постой, этого так прямо ты мне не говорил, – озадаченно пробормотала Светлана, беспомощно сощурился глаза и выдавая тем свою близорукость.

– Но намекал, и довольно прозрачно, – вздохнул Андрей.

– Ну и зачем же тогда, спрашивается, я тебя чаем пою? – спросила Светлана задумчиво, как бы разговаривая сама с собой.

– За правду. Кроме того, это не чай.

– Нет, чай хороший – «Принц Уэльский», – смутилась девушка, – просто я заваривать не умею. Мы с мамой исключительно кофе хлещем с утра до вечера. Ладно, за правду так за правду, – как-то уж слишком быстро согласилась она, отставив в сторону чашку. – Делать нечего, открою тебе секрет: я и не хочу быть писательницей, эти лавры меня совершенно не привлекают. Я хочу издавать книги. Причём жутко разбогатеть на этом. Как тебе такой вариант? Кстати, я тебя как раз и выбрала за правду. Было бы совершенно ни к чему, если бы меня три месяца водили за нос, называли умненькой-разумненькой, пусенькой-лапусенькой, а потом выяснилось, что я круглая идиотка. Так давай, режь её, правду-матку. Бей – не жалеи! Что же ты надулся?

– Я не надулся. – Андрей сдвинул брови в задумчивости. Сколько раз он ругал себя за излишнюю азартность, откровенность, стремление помочь, хотя этого от него совсем не требовалось. Не мог смириться со своей ролью батрака, «негра»? Человек хочет, чтобы его развлекали, ты нанялся к нему в шуты гороховые – зачем развеивать иллюзии, твоё ли это дело? На то есть жизнь! Но он уже не мог остановиться. – Просто прикидываю, как бы тебе доходчивей объяснить. Ты хочешь прийти на место, где уже всё поделено (или, как сейчас модно выражаться, схвачено). Какие бы деньги ты ни вложила, как бы из кожи вон ни лезла, а разоришься в полгода. Что ты хочешь издавать? Я не первый год в этом котле варюсь, по каждой позиции могу прояснить обстановку до мельчайших деталей.

Светлана пожалала плечами.

– Так везде, куда бы я ни сунулась. Но соваться куда-то надо. Почему бы и не сюда, в конце концов? Так что ни в чём ты меня не убедил. Понимаешь, я не хочу жить на деньги матери, я хочу сама зарабатывать. Но об этом вообще-то преждевременно рассуждать, да и не с тобой, уж не обижайся, заниматься подобными словопрениями. Тут совсем другая сфера деятельности и совсем другие, стало быть, нужны консультанты. А пока я начинаю издавать, хочу с самых азов изучить эту кухню. Знаешь, кстати, ты убедил меня, я раздумала писать детектив.

– Странно... Час от часу не легче! – Андрей потёр виски, не поспевая мыслью за ходом разговора.

– Почему странно? – Светлана подняла на него удивлённый взгляд. – Ты же сам камня на камне в прошлый раз не оставил от моего сюжета?

– А ты уж сразу обиделась, крылышки опустила? Сюжет можно купить, это не проблема. Светлана ещё больше удивилась.

– У кого? У тебя что ли?

Андрей отрицательно покачал головой.

– Нет, у меня другая специализация, но есть люди. И есть, соответственно, сюжеты. Покруче – подороже, естественно, но нам не обязательно самый уж крутой.

Светлана помедлила.

– Интересная мысль. Жаль, что я так поздно узнала об этой возможности.

– Почему же поздно? Совсем не поздно. Да и вообще – говорят, лучше поздно, чем никогда.

– Может быть. Когда-нибудь. Но сейчас я уже переключилась на другое. Понимаешь, детективы... Это направление уже перенасыщено, жила выбрана.

Андрей скептически поморщился.

– Неверная мысль. Эта жила никогда не иссякнет, да и сейчас вакуум огромный: как в топку, бросай и бросай. Человек так устроен непонятно, ему всегда будет интересно читать о насилии, убийствах. Я не в состоянии объяснить это явление, но уже достаточно хорошо убедился здесь в устойчивости спроса.

Светлана упрямо покачала головой.

– Нет. Зачем подбирать объёдки за другими, когда рядом лежат в первозданной свежести кисельные берега и текут меж ними молочные реки? Любовный роман – вот что мы будем писать с тобой, мой милый Андрюшенька.

Андрей разочарованно зевнул, затем прошёлся по комнате, разминая затёкшие мышцы.

– Гиблое дело. Я так и знал: что-то тут нечисто, меня обязательно подставят. Слушай, там, в вашем договоре, есть какое-нибудь условие насчёт удачи или неудачи?

Светлана посмотрела на него исподлобья, внимательно, тщательно прокручивая в голове полученную информацию.

– Ты хотел сказать: в нашем договоре? Нет, там такого условия нет. Но почему гиблое, можешь объяснить?

– Потому что это ещё никому не удавалось.

– Ты уверен? А как же «Опасные связи», «Женщина французского лейтенанта», «Поющие в терновнике»? Сколько угодно романов могу тебе назвать.

Андрей нетерпеливо махнул рукой.

– Господи, ну при чём тут классика? Мы же о «семечках» ведём разговор, так называемом жанре «бумажных слёз», дешёвке в мягких обложках. Русских аналогов сему явлению пока ещё никто не изобрёл. Странно, но дело обстоит именно таким образом. Попыток было сколько угодно, начиная с телевидения и заканчивая полиграфическими потугами, но ни одна из них ещё не увенчалась успехом. Казалось бы, чего проще: замени фамилию Смит на какого-нибудь Кузнецова, Майкла на Мишу, Мэри на Машу – вот и весь разговор. Но всё пропадает, тут же становится шитым белыми нитками, которые, само собой, лопаются от первого же страстного вздоха. Читатель шарахается от подобной стряпни как чёрт от ладана и мотает головой наподобие Станиславского: «Не верю!». Ты понимаешь, нам не с чего даже начать с тобой, такого сюжета мы просто не купим, их нет на рынке идей и никогда не было.

– Есть сюжет! – тихо ответила Светлана. – Пусть это тебя не беспокоит.

– Есть сюжет? – Андрей даже глаза вытаращил от изумления. – Так что же ты, рожай!

– Ну, рожать мне ещё рано, – спокойно парировала Светлана. – Пока, во всяком случае, не планирую.

Андрей смутился.

– Ну, это я так, фигурально, – поправился он. – Сколько тебе лет, кстати, если не секрет? В прошлый раз я подумал, что пятнадцать-шестнадцать, а сейчас даже и не знаю, что предположить.

– Тебя интересует, насколько со мной можно работать, насколько зрелы мои мозги? – язвительно любопытствовала Светлана. – Или срок боишься схлопотать за соращение малолетних? Лучше оставлю тебя в неизвестности. Может быть, однажды это удержит тебя от риска нарваться на неприятности.

– Возможно, я старый, но не козёл, – не удержался, зло огрызнулся Андрей.

– Bravo, великолепный ответ! – несколько раз хлопнула в ладоши Светлана. – Слава богу, и я на овцу не похожа.

– Ладно, будем считать, что счёт равный, иначе мы бог знает до чего договоримся, – смешавшись, примирительным тоном сказал Андрей. – Однако не будем отвлекаться. Какой же всё-таки сюжет?

Светлана долго молчала, как бы собираясь с духом, затем тряхнула головой, окончательно прогоняя нерешительность.

– Начнём с названия. «Дочь путаны»... Как тебе? По-моему, удачно.

Андрей задумался.

– Вообще-то неплохо, – в конце концов одобрил он. – Как раз по нынешним временам – броско, сразу заинтриговывает. Но на одном названии далеко не уедешь. Так, и что же там с этой дочерью происходит? Она по стопам матери идёт, не может удержаться? Противится, пальцы кусает до крови, но что-то изнутри её влечёт? А мать – как она к этому относится?

Лицо Светланы неожиданно передёрнулось злой брезгливой гримаской, однако она довольно быстро взяла себя в руки.

– Интересное решение. Но то, что ты предложил, уже драма, а не любовный роман. Я не так уж много прочитала подобной макулатуры, но в одном согласна с тобой абсолютно: правды там нет и не может быть, только враньё. Точнее, сюжет – враньё, а детали досконально правдивые. Выходит, что дочь у проститутки невинная девочка, как раз та овечка, о которой ты упоминал. Она любит одного парня, серьёзного, положительного, мечтает выйти за него замуж, но парень узнаёт, кто её мать, и порывает с ней.

Андрей насторожился, буквально встал в стойку, как охотничий пёс. Такие вещи были сильнее его воли, действовали как наркотик. Соблазн, искушение. Жрец вечной фабрики грёз, он застыл в немом благоговении.

– Так, интересно. И что дальше?

Светлана взглянула на него с любопытством и, не сдержавшись, расхохоталась.

– Дальше? Дальше сам думай. Зачем же я наняла тебя? Она мстит ему. Или пытается покончить жизнь самоубийством, но, естественно, неудачно. Может быть, пытается выместить зло на своей матери. Не может вынести, когда у её бывшего возлюбленного появляется невеста, и подстраивает им какую-нибудь каверзу. Тысяча вариантов. Возможно, всё это вместе, почему бы и нет?

– Так, так, пожалуй, я тебя недооценил.

– Нет, нет, – разочарованно протянула Светлана. – Такой размазней ты мне совсем не нравишься. Меня куда больше устраивает, когда ты злишься, звереешь даже, становишься беспощадным. Так ты... моложе, что ли!

Андрей кивнул, согласившись, что и в самом деле несколько расслабился:

– Да, порой я совсем забываю, что ты... – Тут он спохватился.

– Ну-ну, договаривай, – сухо сказала Светлана, и глаза её сверкнули злобным огоньком. – Что я инвалидка, что ли? Ей-богу, мне лучше, чтобы мне не делали скидок. Я не считаю себя в чём-то неполноценной, поэтому девиз такой: «Бей – не жалей!», как я уже говорила. Иначе я

тебе буду делать очень и очень больно, а ты, как я успела заметить, совсем не мазохист. Итак, что нам может понадобиться?

– Книжки, видеофильмы, – задумчиво пробормотал Андрей. – Какая-нибудь крутая эротика: путана всё-таки, тут тема пограничная. Модные журналы... Наверное, есть у тебя? Так называемая светская хроника: кто с кем спит, кто что ест, у кого какие чудачества – тоже вполне могло бы пригодиться. Потом нам придётся смотреть эти чёртовы телесериалы, желательно бы достать их в записи, но я не знаю, бывают ли такие записи? Индийские фильмы, всякие там «Зиты и Гиты», – это тоже может пригодиться.

– Понятно. Всё? – спросила Светлана немного иронически.

Андрей смутился, даже покраснел.

– Ну, это в идеале, конечно. Можно вообще обойтись одним лишь воображением. А можно, наоборот, продолжать и продолжать. Я называю это полным погружением. Как дурман какой-то: ты влезаеть в чужую шкуру и отключаешь себя, происходит как бы перемещение душ. Ты женщина, а можешь быть мужчиной. Ты никто, а можешь быть хоть принцессой. Ну, это невозможно объяснить, пересказать.

– Ребёнок! Седой ребенок! – усмехнулась вдруг Светлана. – Ну что, вот так и попался на крючок, дурачок? Кажется, я впервые тебя достала. И поняла.

Лицо Андрея исказила произвольная гримаса боли.

– Тебе доставляет удовольствие так людей «доставать»? – тихо спросил он после некоторого молчания. – Знаешь, я всё больше и больше начинаю убеждаться, что ты...

– ...Та ещё стерва? – поддакнула в тон ему девушка. – Ну говори, говори! А, может, ты не меня недооценил, а о себе слишком высокого мнения? – Она подъехала к нему ближе и заглянула прямо в лицо, процедив сквозь зубы, будто прижав к стенке: – Тебя били, били всю жизнь, но так ничему и не научили? Может, я тебя чему-нибудь научу?

– За что ты так ненавидишь меня? – спросил Андрей уже в полном замешательстве. – Ведь ты меня совсем не знаешь. Что я тебе сделал плохого?

– А кому и что ты сделал хорошего? Ты, неудачник? Что молчишь? Поднимайся, поднимайся, сбили с ног – вставай. Жизнь такая пошла, только упали – сотни ног по тебе пройдут, мокрого места не оставят.

– Но ты же... – У Андрея перехватило дыхание.

– Ну-ну, стукни, как следует, сразу наповал бедненькую, несчастненькую девочку в инвалидной колясочке. – Так и не дождавшись ответа, Светлана прошептала: – Ладно, я устала. Езжай домой. Но завтра в восемь чтобы был как штык. И, – тут она усмехнулась, – будем считать, что счёт один – ноль в мою пользу.

Она закрыла глаза и вытянулась в кресле, обессиленная. Андрей посидел ещё немного в молчании, затем оделся, тихо вышел и закрыл за собой дверь.

Сидя в электричке, он клял последними словами новых и новейших русских, литературных агентов-кровопийц и вообще всё на свете. Главным образом себя за малодушие. Одно утешало: в нагрудном карманчике рубашки лежала сумма, перед которой на три месяца отступали все его материальные проблемы. В разумных пределах, конечно. И если не выходить за эти пределы, вполне реально было бы, уж коли двойная оплата, оторвавшись временно от подёщины, завершить наконец работу над столь измучившим его последним романом. Осталось ведь только финал перелопатить, выправить и...

Ну а что потом? Беготня по журналам, которые как были, так и остались в том, прежнем времени поездок в колхоз и партсобраний? Или посетить какое-нибудь очередное издательство, куда с серьёзной вещью просто нечего и соваться? Что там остаётся ещё? Издание за счёт автора, при котором вас оберут до нитки? Нет, это не для него. Если уж мечтать, то по крайней

мере о Букере или какой-нибудь другой престижной литературной премии: всё-таки можно надеяться на чудо. В журналах и издательствах чудес не бывает.

И тем не менее странно: ещё час назад, выйдя от Светланы, Андрей буквально трясся от бешенства, а сейчас, как он ни распалял себя, даже проклятия получались у него какими-то беззубыми, выхолощенными. Что же его так утихомирило? Деньги? Нет, к сожалению, к деньгам за свою жизнь он так и не научился относиться с должным уважением, оттого, наверное, они у него надолго и не задерживались. Жалость к бедненькой девочке-инвалидке? Но никакой жалости к Светлане он не испытывал: у «пигалицы» были весьма острые коготки, она вполне могла за себя постоять.

Что же ещё? Три персонажа... Мать, дочь, жених дочери. Заработала машина воображения.

Часть вторая. Андрей

Глава 1

– Зачем ты согласился? – Светлана хмуро смотрела в сторону, вцепившись руками в подлокотники коляски.

– Почему бы и нет? – пожал плечами Андрей. – Попросили. Ничего особенного!

– Ничего особенного? – презрительно фыркнула Светлана. – Неужели ты не понимаешь, что этим ты низводишь себя до уровня лакея? В тебе что, совсем нет гордости? Ты бесхребетный, пресмыкающееся? Или тебе настолько деньги нужны? Может, ребёнок больной, необходима операция или вообще там помираете с голоду в своём Подмоскowie?

Андрей помолчал, затем вздохнул и спросил:

– Мы работать будем сегодня?

– Я уже работаю! – разозлилась Светлана. Лицо её пылало негодованием. – Просто мне сначала нужно выяснить, с кем я работаю, может ли у меня с ним получиться какая-то работа? Или я не права?

– Права, конечно, – подтвердил Андрей. – Но что случилось? У тебя всегда так расположение духа резко меняется? Вчера ты была настроена иначе.

Светлана закусил губы, по-прежнему упорно избегая встречаться с Андреем взглядом.

– Вчера ты был писателем, а сегодня просто сиделка. Неужели ты не понимаешь, что предал меня?

Андрей посерьёзней, он уже был близок к тому, чтобы тоже разозлиться.

– В чём, интересно?

– Да ты согласился, по сути, с матерью моей, что то, чем мы собираемся с тобой заняться, несерьёзно. Получается, будто я какая-то девочка-капризуленька, которая сидит здесь в четырёх стенах и не знает, куда ей время девать. Не скажешь, что с жиру бесится (вроде как несчастенькая, судьбой обиженная), но что дурью мается – это точно. Как я могу после такой твоей подножки с тобой работать? Если ты совершенно не веришь в меня, в то, что я тебе предложила? «Гибельно», «невозможно», «подставили», «никому не удавалось» – дело даже не в том, что ты стар, – ты просто выдохся. И ещё чему-то взялся меня научить? Да ты, кисель, студень, заражаешь меня своей неуверенностью!

Андрей вздохнул.

– Я просто реально смотрю на вещи. Зачем иллюзиями обольщаться? Какой в том прок?

– Для тебя иллюзии. А для меня путь, становление. И ты хочешь, чтобы я разочаровалась в самом начале пути? Давай лучше так поступим: у меня есть кое-какие деньги. Я тебе дам, сколько нужно, чтобы ты расплатился с моей матерью. По крайней мере, с достоинством выйдешь из положения, объяснишь, что не в прислуги нанимался.

Андрей помолчал, затем медленно проговорил:

– Хорошо. Есть проблемы? Давай их обсудим. Если дело исключительно в моём возрасте, то молодильные яблочки на рынке не продаются. Пока, во всяком случае, нигде не видел. Так что, коли это для тебя настолько непреодолимо важно, скажи, я тут же повернусь и уйду...

– Дело не в возрасте... – протестующе покачала головой Светлана.

– Дело в мышлении, – договорил за неё Андрей. – Дело именно в возрасте. Если я буду скакать козлом и что-то мурлыкать себе под нос голоском из колыбельки, вот тогда я буду жалок и смешон. Я не собираюсь подстраиваться под тебя, подделываться. Так что давай сразу договоримся: или ты меня принимаешь таким, какой я есть, и веришь мне, или мы расстаёмся,

и тебе приводят на поводке вместо меня другого какого-нибудь «эфиопа», а я исчезаю из твоего поля зрения навсегда.

Светлана покачала головой.

– Горячо сказано! Но не убедил. Я уже устала повторять тебе: дело не в возрасте...

– Хорошо, – кивнул Андрей. – Значит, одну проблему, быть может главную, мы решили. Дальше! Меня попросили присмотреть за тобой – что в том плохого?

– Ну да! – фыркнула Светлана. – Будь спокоен, моя мамуля своего не упустит. – За те же деньги ты ещё и охранник, сиделка и что там ещё? Ах да, психотерапевт!

– Вообще-то, между прочим, я когда-то учился медицине, даже массаж могу сделать, если нужно... – пожал плечами Андрей.

– Но уж наверняка не доучился до уровня профессора... – в тон ему поддакнула Светлана. – Зачем мне недоучки? Недомедики, недописатели, ни два ни полтора.

– И уж укол засандалить – это вообще без проблем, – как бы не слыша её, продолжил Андрей.

– Мне не нужны уколы! – взбеленилась Светлана. – Ты что, действительно такой тупой или прикидываешься, надо мной издеваешься?

– Хорошо! – кивнул Андрей. – Я не буду тебе помогать, за тобой присматривать. Только мы не станем никого в это посвящать. Я думаю, что ты вполне в состоянии справиться со всем сама. Если не получится, научишься. Если не научишься, наймём кого-нибудь.

– Мне никто не нужен, – тихо, но зло прошептала Светлана.

– Ну вот, видишь, как хорошо? – обрадовался Андрей. – Какие ещё у нас проблемы? Ты считаешь, что я амёба, меркантильный. Как там, в «Идиоте» у Достоевского – «за копейку на Васильевский остров» поползу? Но ведь ты понимаешь, надеюсь, что белый свет на тебе клином не сошёлся? При моей квалификации, прости уж, безработица мне не грозит. Да, там тоже трудности, люди всегда – я имею в виду, богатые люди – неохотно расстаются с деньгами, всё норовят выжать из тебя по максимуму, а то и вообще прокатиться на дармовщинку, но так, как здесь, со мной никто и никогда не обращался. По крайней мере, соблюдался благопристойный вид. Ты обвиняешь меня в том, что я воспринимаю нашу идею как забаву, пустячную затею, но я всегда очень серьёзно относился к своим обязанностям и обязательствам, в этом меня никто никогда не мог упрекнуть. Вот для тебя всё это забава, так было с самого начала. Тебе нужно какое-то отвлечение, развлечение, и ты нашла для себя игрушку, мальчика для битья. А если этот «мальчик», «бой», ещё и сорокалетний дядя из столь ненавидимых тобою взрослых, так о чём ещё можно мечтать? Так мы будем работать? Мне уходить или нет?! – переспросил он уже разъярённо.

Светлана не отвечала: она уткнулась взглядом в стену и замерла в презрительном молчании, как будто рядом был не Андрей, а пустое место.

– Ну что ж, – философски рассудил Горячев, – будем считать, что молчание – знак согласия. С тем, что я остаюсь.

Он прошёлся по комнате и даже вскрикнул от удивления.

– Ого! Вот это оперативность! Да здесь целый склад!

– У меня есть знакомый парень, который за деньги может принести что угодно – только свистни, точнее позвони. Здесь не всё, просто он не смог так быстро. Но он эту тему закрывает на сто процентов, можешь не сомневаться. Ну а потом обратно заберёт со скидкой то, что я не захочу оставить. Такие проблемы, как видишь, решаются очень легко.

– Когда есть деньги, – поддакнул Андрей.

– В противном случае есть только одна проблема – их отсутствие.

Андрей тут же примостился на полу и начал сосредоточенно сортировать подборку. Светлана долгое время оставалась на месте, затем не выдержала, подъехала ближе.

– Ты такой любитель «клубнички»? – с иронией спросила она, заметив, как внимательно он рассматривает обложки видеокассет.

Андрей вздрогнул, обнаружив, что она совсем рядом, затем помялся, не зная, что ответить.

– Если тебя это смущает, не бойся, я совершеннолетняя, мне скоро двадцать, – как бы отвечая на его немой вопрос, с усмешкой произнесла Светлана.

– Да. – Андрей кивнул с облегчением. – Ты знаешь, этот твой приятель – он определённо переборщил. Он просто не знал, для чего нам это нужно. Тут всякая пошлятина, в основном, типа «Рабынь секса», «Чёрной дикой орхидеи», а нам нужна классика: Тинто Брасс, Питер Гринуэй, Лилиана Кавани. Хотя, конечно, тебе виднее. Понимаешь, лёгкий жанр – он в этом плане самый трудный, от легковесности к пошлости не надо даже и скатываться, только чуть заметную грань переступи. Да и в литературе целесообразно начать с тех вещей, о которых ты говорила: «Опасные связи», «Женщина французского лейтенанта». Потом уже можно будет взяться за подделки. Но где же твои Интернет, виртуальность, которыми ты так кичилась? Может, ты просто лоботряска, только и умеешь, что обзывать?

– Я работаю, – угрюмо ответила Светлана. – Мне сейчас пока не до Интернета.

– Ты? Работаешь? – поддразнил её Андрей. – Просто ха-ха! Где бы мне разжиться очками?

– Желательно мартышкиными, – в тон ему ответила Светлана. – Надеюсь, ты не воспринимаешь мои слова буквально? Это просто образное выражение, как тебе известно.

Она развернулась и укатила в другую комнату. Однако на сей раз разминкой ей пришлось заниматься в одиночестве, Андрей не последовал её примеру.

Глава 2

– Ты, в принципе, можешь отказаться, – развёл руками Геннадий, – тут я тебя прекрасно пойму. Честно говоря, сам бы я ни за что не согласился. Да и вообще – ты, наверное, прав: не слишком ли здесь много сложностей? Во всяком случае, мы имеем сейчас полное юридическое и моральное основание соорудить из себя обиженных и послать этих двух хитромудрых бабёшек куда подальше. Я тут, кстати, тоже в детективщики подался: заказ, что поделаешь. Присоединяйся, такое в четыре руки забабахаем – Корецкий с Леоновым от зависти разнесут свои компьютеры вдребезги.

– Твоими бы устами... – лениво огрызнулся Андрей. – Что же получается, я вроде как гувернёр?

– Хуже, – усмехнулся Гринин. – Кстати, а вдруг она даже в туалет самостоятельно ходить не может, что тогда ты будешь делать?

– Ну у тебя и юмор! – не на шутку разозлился Андрей. – Ей-богу, вы с ней два сапога пара! Но Геннадий был безжалостен.

– А что, представляешь себе картину: ты сидишь, а она вдруг заявляет: «Дядя Андрей, я хочу пи-пи!» Эх, жаль, мне поздно пришла в голову такая идея, надо было Светке позвонить, чтобы она тебя разыграла!

– Да, ты ради красного словца что мать прирежешь, что отца, – покачал головой Андрей, – только теперь я твою натуру раскусил, змей, на груди пригретый!

– Эх-хе, не ценишь ты моей заботы-ласки! Уж лучше от друга плюху получить, чем от чужого кого. Учю я, учю тебя жизни...

Но Андрей никак не мог успокоиться, постоянно возвращаясь мыслями к одному и тому же:

– И всё-таки странно, почему вчера эта Белла-Белиссима позвонила с такой просьбой тебе, не проще ли ей было обратиться сразу к исполнителю?

Геннадий взглянул на него искоса и пожал плечами.

– Да бог её знает, спроси что-нибудь полегче! Может, тоже деньги решила сэкономить на междугородном звонке, как ты всё мне в прошлый раз советовал, а может, просто потеряла твой номер телефона. – Он помялся немного, затем вздохнул: – Да, Андрей, не буду юлить. Вполне может получиться так, как ты подозреваешь, но вслух сказать не отваживаешься. Дело даже не в том, что к твоим прежним обязанностям добавляется множество новых, совершенно тебе неинтересных и даже в чём-то унижительных, а в том, что это увеличивает твои шансы пропахать месяц, а то и два за так. И пойми, от меня тут ничего не зависит. Со своей стороны, как твой агент и друг, я мог бы гарантировать, что все деньги за свою работу ты получишь сполна и в срок, но... если бы я не знал твой характер! Если тебя дотюкать, ты упрёшься, как осёл, и никакие уговоры, обстоятельства, факторы тогда не смогут на тебя повлиять. Тебя просто невозможно заставить что-то делать. Не обижаешься, надеюсь, на такой нелестный для тебя отзыв?

– Почему же нелестный, очень даже лестный, – пожал плечами Андрей. – Да, я не пресмыкающееся.

– Угу! – Геннадий хмыкнул, но не стал расшифровывать, что он хотел сказать этим своим восклицанием. – Ну, так вот, у дочки-то сволочизм пока детский, без должной направленности, а вот мамаша её – та сделает всё, чтобы довести тебя до белого каления, причём я абсолютно уверен, что именно так и никак иначе в конце концов и получится. Так что думай, Андрюшенька, думай. Хорошенько подумай! Тебе решать! Чтобы потом не обижался на меня, что я тебя заранее не предупредал.

– Эй, Чингачгук Большой Змей! Слышишь меня? – Светлана водила ладонью перед самым носом Андрея, пытаясь вывести его из состояния задумчивости.

Андрей очнулся от воспоминаний об утреннем разговоре с Геннадием.

– Да, я уже здесь! Это ты, Верная Рука – Друг Всех Индейцев? Так на чём мы остановились? Ах да! Ты, конечно, не знаешь, но в своё время была такая популярная песня: «Трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете...». То же и здесь: все эти эротопросмотры выльются в итоге в парочку-троечку каких-нибудь маленьких, немного рискованных, но необходимых по ходу действия эпизодов. Без этого не получится. Иначе придётся менять название. Понимаешь, если мы попытаемся нарисовать что-то уж совсем идиллическое, нам не поверят, такое сейчас не проходит. И вообще, самое главное, что мы должны чётко представлять себе, – это для кого мы пишем. Кто вообще читает такую... мягко говоря, продукцию, как ты считаешь?

Светлана сосредоточенно наморщила лоб, задумалась.

– Ну, домохозяйки какие-нибудь, учительницы, торговки на рынках...

– Одним словом, те, кого ты презираешь – во всяком случае, не уважаешь.

– Да просто они для меня как с другой планеты, – пожалала она плечами, – у них свои заботы, у меня свои.

– А как ты сама, о принце не мечтаешь?

Светлана криво усмехнулась, показав на свои ноги:

– О каком? О таком же, как я?

Андрей пожал плечами.

– Ты знаешь, я могу тебе привести пример. У одних моих хороших знакомых есть дочь, у неё лицо с детства изуродовано: нос просто расплюсчен в лепёшку. Зрелище, конечно, не из приятных, но она меня всегда восхищала тем, что никогда не считала, что чем-то отличается от других людей. У неё всегда была куча подруг, она на полном серьёзе обсуждала с ними все эти бесконечные «Санта-Барбары», новинки моды, поп-музыки. Затем поступила в институт, встретила там парня, они поженились, им комнату отдельную выделили в общежитии. До сих пор живут на удивление дружно: он на неё не нарадуется...

Светлана сплела пальцы ладоней так, что их чуть было не свело судорогой.

– Ну и с какой стати ты мне это говоришь? – зло спросила она.

Андрею стало неловко: может, он что-нибудь опять ляпнул невпопад?

– Просто случай из жизни. К слову о принцах. Я не договорил: у нас в доме, этажом ниже меня, живёт девчонка. Ну, собственно, не девчонка, ей уже под тридцать, и на внешность не мисс Вселенная, как ты сама, наверно, догадываешься, однако золото, а не человек. Но не везет ей...

– Я не инвалидка! – тихо прошептала Светлана. Чувствовалось, что она на грани, вот-вот готова сорваться на крик. – Я не инвалидка! И на твою девочку с проваленным носиком совсем не похожа. Не надо жалеть меня, я этого терпеть не могу. Между прочим, да будет тебе известно, я участвовала в конкурсах красоты, вполне могла бы даже стать мисс Москва, если бы не надо было бы для этого спать с членами жюри. – Она помолчала некоторое время, собираясь с духом, затем продолжила, уже немного спокойнее: – Я просто попала в автокатастрофу. Этот чёртов трёхсотый мерс – я разбила его вдребезги. Хорошо ещё, что он был застрахован. Это в наших таратайках всё ревет, гудит, а здесь совсем не чувствуешь скорости. Но у нас другие дороги. Ты хоть чуть-чуть понимаешь меня?

Андрей развёл руками.

– Чисто теоретически. Сам я не автомобилист.

Она раздражённо фыркнула:

– А чего тогда я перед тобой сейчас распинаюсь? Ну да, просто чтобы ты знал, что я вовсе не бедненькая и не несчастненькая, какой ты меня так старательно постоянно выставляешь!

Что я в любой момент встану и пойду. Встану и пойду! Вот этими ногами-спичками. Понял меня?

– Вполне. – Андрей потупил взгляд, пристыженный. Но Светлана, не останавливаясь, продолжала:

– И принц у меня будет. И деньги. И не останусь я перезрелой дурочкой вроде твоей соседки. У тебя есть на сей счёт какие-нибудь сомнения?

– Нет, – покачал головой Андрей. – Когда ты так говоришь, нет. Но почему же...

Светлана холодно оборвала его:

– Ты не слишком увлёкся? Ты здесь для чего? Чтобы обсуждать мою личную жизнь?

Андрей помолчал некоторое время в замешательстве, затем пробормотал удивлённо:

– Слушай, как это нам с тобой удалось? Я жену так не знаю, как узнал тебя всего только за три дня! Просто интересно, как такое психологически возможно? Может, оттого что мы так безжалостно друг друга лупим? Или есть что-то родственное в душах? Но для литературного тандема подобное вряд ли приемлемо. Обидно будет, если через неделю мы настолько возненавидим друг друга, что дальше не сможем вместе работать.

Светлане ничего не оставалось, кроме как согласиться:

– Да, пока из «полного погружения» в материал мы погрузились только друг в друга...

Андрей задумался, затем вдруг повеселел:

– Слушай, а может действительно от меня больше проку будет как от гувернёра? Зачем он вообще нам нужен, этот роман? Будем смотреть видео, читать книжки, перебрёхиваться постоянно, устраивать друг другу разные подлянки. Мечта, а не жизнь! Я отдохну, потолстею, буду смотреть на людей свысока, как на муравьёв. Потом ты действительно встанешь и пойдёшь. И найдёшь себе принца. Ну а я, чтобы не расставаться с тобой, женюсь на твоей матери. Буду нянчить твоих детишек, со временем сделаюсь дряхлым, сгорбленным старикашкой. И вот тогда вы меня непременно выгоните. Очутившись в итоге в каком-нибудь забытом богом доме для престарелых, я буду с тоской вспоминать свою первую жену и сына, которых я предал, бросил. Осознаю, одним словом, свою ошибку, но слишком поздно. Так и окончу свой век.

Светлана расхохоталась. И смеялась долго, искренне, чуть ли не до истерики.

– Нет, ну ты меня покорила, это точно. Мне бы такое воображение! Знаешь, просто не хватило бы наглости. Я как-то не могу так смотреть на жизнь, совсем абстрактно, чтобы вообще без катушек. Вот где принцы и принцессы-то. Такая маниловщина! Да просто представить себе, чтобы ты и моя мама... Чтобы ты её хоть чуть-чуть чем-то заинтересовал. Ха-ха-ха! Да тебе нужно быть семи пядей во лбу, по крайней мере! Мамуля моя! Куда там шестёркам каким-то, пусть даже литературным. У неё в колоде никогда не было ни одного валета, только короли да тузы – все пятьдесят четыре карты!

Андрей пожал плечами, ничуть не смутившись.

– А ты знаешь, вы с ней очень похожи. Не яблочко от яблони, а просто как две капли воды.

Светлана вскинула брови.

– Ага, я припоминаю. Что-то вроде: «Она по стопам матери идёт, не может удержаться. Противится, пальцы кусает до крови...».

Андрей посерьёзней, взглянул на неё удивлённо.

– Ты хочешь сказать, что...

Светлана покачала головой.

– Нет, я хочу сказать, что моя мама – это моя мама. Не путана и не содержанка. Бери выше. Что-то вроде мадам де Помпадур, только без её салона. Гейша, но не упускающая при этом и постель. Куртизанка, но... Скорее, кружительница голов. Мужских, естественно. Впрочем, тебе не понять. Если бы я была такой, как она! Нет, тебе не понять!

Андрей нажал на «стоп», остановив видеокассету.

– Тебе не нравятся мелодрамы?

Светлана пожала плечами.

– Когда-то нравились, сейчас излечилась.

Андрей не удержался, тихо уточнил:

– Это когда...

– Ну что же ты? Договаривай! – мрачно усмехнулась Светлана. – Когда я долбанулась в своём мерседесе? Пожалуй. Рекомендую, кстати, восхитительнейшее средство. Излечивает практически от всех болезней.

– Порой даже вообще от жизни.

– К счастью, до того не дошло, – парировала Светлана.

– Давай оставим, – поморщился Андрей, – просто мы...

– Да нет, почему же? – ответила Светлана. – Погружение так погружение. Я всё смотрю, даже очень прилежно. Хотя «Красотку» эту с Джулией Робертс видела уже четыре раза. Да и вообще вдвойне кайф ловлю, между прочим. Не надо и на экран глядеть: на твоём лице великолепнейшим образом отражается вся фабула. У тебя на глазах порой даже появляются вполне натуральные слёзы. Ты действительно настолько сентиментален?

– Не знаю, – сдержанно ответил Андрей. – Просто я всему отдаюсь полностью, манера у меня такая. Потом...

– Да-да, видела уже. Ты можешь сказать, зевая: «Ну и чушь!». А в тот момент впечатление было такое, будто ты впервые увидел телевизионный экран.

Андрей скривился.

– Тебе это мешает?

– Нет. Нисколечко. Кстати, а тебе не мешает, что я постоянно тебя перебиваю?

– Нет, наоборот. Считаю, мы экономим время. Это такой старинный приём, он называется «разговаривать полусловицей». Меня больше удивляет, что ты им владеешь, причём настолько хорошо.

– Я способная! Убедился, что я способная?

– Пожалуй!

Он потёр лицо руками, затем потянулся, упёршись затылком в сомкнутые ладони.

– Но ты права. Мы действительно разбрасываемся. Надо...

Она вновь перебила его.

– Ты действительно умеешь это делать?

Андрей посмотрел на неё недоумевающе: ему показалось, что он потерял нить разговора.

– Я много чего умею. Что именно?

– Массаж. Ты же сам мне советовал. Забыл?

Андрей смутился.

– Ну, для этого нужно пригласить специалиста.

– Опять деньги платить? – усмехнулась она.

Андрей вспыхнул.

– Понятно, снова ария из оперы «Зачем согласился?»

– Нет, скорее танец-вариация нищего из балета «Отдай мои двадцать копеек».

Андрей покряхтел немного, затем сдался.

– Хорошо. Но нужен большой стол.

Она хитро посмотрела на него сбоку.

– Письменный подойдёт?

– А он большой, двухтумбовый?

– В бильярд играть можно.

– Годится. Поехали.

Оставшись на минуту один, Андрей отвернулся к окну. Если она пытается смутить его, эта пигалица, то у неё вряд ли что получится. Он чувствовал себя просто великолепно. Очаровательное безделье! Почти как раньше, когда он каждый год ездил куда-нибудь в отпуск, ухитрился даже побывать за границей, да и работа в техническом НИИ не очень его обременяла. Если бы не эта чёртова литература, которая всю кровь из него высосала... Хотя теперь, наоборот, даже и спасала... Чем бы, интересно, он сейчас мог заниматься?

Светлана выехала из своей комнаты в бледно-голубом с белыми разводами купальнике. Остановила кресло возле стола, стараясь не встречаться с Андреем взглядом и неодобрительно поглядывая на убранные им и сложенные в углу принтер, процессор, монитор. Андрей осторожно вытащил девушку из коляски и уложил на стол. Вообще-то в массаже он мало что помнил, тем более что надо знать хотя бы характер заболевания: так ведь недолго и навредить.

Светлана лежала на столе притихшая, закрыв глаза и стиснув зубы.

– Что это произошло с нашей маленькой мышкой? Куда делась её отвага, не прикусила ли она свой острый язычок? – спросил с лёгкой насмешкой Андрей.

– Я очень не люблю, когда меня трогают руками, – тихо проговорила Светлана, – не знаю даже почему. Так, не брезгливость, но сразу возникает резкое чувство отторжения.

– Понятно, – кивнул Андрей. – Вообще-то чаще всего такое наблюдается у колдунов. Ты, случайно, не из их роду-племени?

– Представляю, как бы у тебя тогда сейчас тряслись поджилки, – сухо парировала Светлана, сжавшись и периодически вздрагивая. – Это что, обязательно?! – вскрикнула она, когда Андрей откинул в стороны тесёмки бюстгалтера.

– Желательно! – ответил Андрей, ничуть не смутившись.

Не навреди! Зря, пожалуй, он взялся за это дело. Что там может быть с её позвоночником? Спросить? Но бес, в него вселившийся, не унимался.

– Слушай, а как же у тебя с мальчиками-то? С ними-то ведь контакт должен быть полный. Что, тоже отвращение? Или ты всё делаешь, как экстрасенс, на расстоянии?

– С мальчиками другое, с мальчиками у меня как раз всё в порядке. А ты что – мне ещё эротический массаж собираешься преподавать?

Руки, в отличие от головы, что-то помнили, в своё время он на курсах целый месяц провёл, даже диплом с отличием выдали. Постепенно Андрей увлёкся, углубился в работу, совершенно не обращая внимания на Светланину зажатость. Наконец она не выдержала.

– Всё, я больше не могу!

Андрей пожал плечами, затем накрыл Светлану пледом, предварительно завязав злополучные тесёмки.

– Полежи так немного. Расслабься.

Но когда он приподнял её, то специально оттолкнул ногой кресло.

– Попробуй сама пройти немного.

Тело Светланы вдруг покрылось мурашками, она истошно закричала:

– Ах ты, гад, сволочь! Издеваешься надо мной, мстишь за то, как я с тобой обращаюсь? Верни коляску на место! Немедленно!

Андрей пожал плечами и опустил её в кресло. Светлана, разгневанная, тут же устремилась к себе в комнату и до ночи больше из неё не показывалась.

– Мужик, ты как в воду глядел. Есть заказ на тебя, и очень крупный. Если я скажу сейчас, кто хочет, чтобы ты написал его «житие», ты просто упадёшь.

Андрей вздохнул.

– Лучше не говори, не трави душу. Сам меня в эту больничку заточил, ирод!

– Ну и чем ты занят сейчас? Если судить по обычным твоим темпам, то страниц тридцать ты уже наката!

– Ни единой!

– Ничего себе! На что же ты там расходуешь своё время, обалдуй несчастный?

– Где это ты, интересно, видел несчастных обалдуев? По-моему, тут два слова, совершенно взаимоисключающие.

– И всё-таки?

– Отъедаюсь, отсыпаюсь. Стыд, совесть – всё потерял. Ничегошеньки не делаю! Признаться, начинает надоедать.

Геннадий присвистнул тихонько.

– Понятно. Знаешь, у Роберта Шекли есть такой рассказ, «Кое-что задаром» называется. Не припоминаешь?

– Ну отчего же – на редкость остроумная вещица. Мужу одному там всё ни с того ни с сего подарки сыпались, а потом его отправили на какую-то очень далёкую планету за них отрабатывать.

– Ага. Фирма там ещё интересно называлась. Кажется, «Поуха минайл». Может, и тебя так скоро – по уху, номинально?

– Скорей бы уж!

Глава 3

– Что же получается, мы пишем автобиографический роман? – задумчиво спросил Андрей.

Светлана оторвалась от книги.

– Тебя это смущает?

– Нет,нисколько. Но зачем тебе это нужно?

– Просто необходимо кое в чём разобраться.

Андрей хотел было спросить в чём, но вовремя спохватился.

– Прости, может, я кажусь тебе слишком въедливым, назойливым, но ты так и не ответила на мой вопрос.

Светлана помолчала.

– Автобиографично – это как, плохо? – наконец спросила она.

– Почему же? Может быть, даже наоборот, принесёт больше достоверности, если, конечно, не уведут в сторону излишние детали.

– Так следи за этим. Я не тщеславна. Совсем не обязательно, чтобы я сама была героиней. Просто мне нужно разобраться кое в чём, как я уже тебе говорила. И ты, надеюсь, мне поможешь?

Андрей отрицательно покачал головой.

– Я мало подхожу на роль сыщика. Давай лучше займёмся тем, в чём я действительно разбираюсь. «Вернёмся к нашей овечке», если ты не против. Начнём по порядку. Как насчёт названия, остаётся?

– А ты можешь предложить что-нибудь другое?

– Нет, – запротестовал Андрей, – название вполне подходящее, немного эпатажное, но, в общем-то, в самый раз, тут моё мнение прежнее. Но... я опять за своё: тут действительно автобиографичность?

– Предположим.

Андрей вспыхнул:

– Знаешь, мне не доставляет никакого удовольствия разговаривать с тобой на эту тему, но работа есть работа. Мне лично совсем ни к чему такие подробности, но для дела важна каждая деталь. Сейчас мы выбираем форму, в которой начнём строить сюжет. Если выбор будет изначально неправильным, то переделывать, как тебе известно, вдвойне труднее, чем просто делать. Как бы мы ни старались потом, а хвосты всё равно останутся и сведущий человек без труда догадается, что начало работы было другим. Какие у нас есть варианты? Мы можем вести повествование от первого лица, перемежать текст размышлениями, воспоминаниями...

– Хорошо. Да, я действительно дочь элитной проститутки. Вот только от своего имени рассказывать эту историю я не хочу.

– Пусть будет так, как ты хочешь. И вы с героиней...

– ...Одного поля ягоды. Что ещё? Я невинная овечка? Пожалуй, да, но в современном понимании этого слова. Далеко (точнее, давно) не девственница, всё своё свободное время обычно проводила на дискотеках или в компании с друзьями, однако голову никогда не теряла, алкоголем, наркотиками не увлекалась. Училась в Плешке – Плехановской академии, да и сейчас там числюсь на третьем курсе, просто пока в академическом отпуске. Учёба всегда давалась легко, поэтому я особо себя ей не утруждала. Всякого рода бестолковые контрольные и зачёты покупала за деньги. То, что действительно нужно для специальности, зубрила, высунув язык. С Виктором познакомилась полтора года назад, залетела от него, мы собирались срочно пожениться. Почему бы и нет? Как ты сказал: «Деньги есть, почему бы и нет?». Однако когда он узнал, кто моя мать, то как взбесился, замучил меня подозрениями, сомнениями, что ребёнок

не от него. Потом мы вообще разбежались. Он рассчитывал, что я на коленях буду за ним ползать, умолять, но я не из таких. Ну, «долбанулась» в итоге. С ребёнком, понятное дело, вопрос решился сам собой, я вот выкарабкалась, как видишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.